

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

УДК 316.422:316.66(470+571)

Н.Н. Седова МОДЕРНИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

СЕДОВА Наталья Николаевна — старший научный сотрудник Института социологии РАН.
E-mail: nnsedova@inbox.ru

В статье рассматриваются проблемы гражданского участия и гражданской активности россиян применительно к идеи модернизации страны. Анализ ведется на основе данных исследования ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?», результатов массовых опросов других исследовательских центров, в том числе за рубежом. Рассматривается мотивация и факторы гражданского участия населения и группы «модернистов» — людей, разделяющих ценности и нормы общества современного типа.

Ключевые слова: модернизация, гражданское участие, национальная идея, жизненные ценности, мотивация, качества людей, модернисты, активность, коллективизм.

Идея модернизации — экономики, политической системы, других областей и сфер жизни — не нова. С потребностью в обновлении, развитии, апдейте той или иной глубины в разные периоды своего развития сталкиваются все общества⁸. Россия тоже пережила не один этап модернизации и сегодня находится на очередном витке модернизационной спирали. Отличие нынешней ситуации в том, что в отсутствие национальной идеи роль модернизации не исчерпывается ее изначальными функциями «догнать-перегнать-привести в соответствие», ей предписывается значение некого объединяющего начала, которое поможет преодолеть мозаичность и атомизацию российского общества. С другой стороны, сама модернизация — если говорить о ней в широком смысле как о процессе обновления всей системы общественных связей, а не только в прикладном технико-технологическом ключе — имеет тем больше шансов на успех, чем выше включенность в ее реализацию со стороны всех социальных классов, групп и слоев населения.

Сегодня проводится много исследований по оценке отношения населения к идеи модернизации. Все они показывают, что в целом модернизация получает одобрение и поддержку россиян. Так, по данным мегаопроса «Георейтинг» ФОМ 77% респондентов заявляют, что модернизация в России нужна [2].

© Седова Н.Н., 2011

⁸ Теоретики модернизации описали механизм формирования комбинации факторов, которые предопределяют возможности для модернизации, в том числе Г. Бак и Э. Джекобсон на основе исследования 50 обществ показали, что «социальное изменение имеет определенную структуру или последовательность... эволюционных стадий, через которую проходит большинство обществ» [1].

В ходе исследования ЦИРКОН почти две трети взрослого населения РФ (65%) из альтернативы «модернизация» vs «стабильность» выбрали первый пункт, и почти столько же (63%) полагают, что модернизация должна охватывать всю страну, а в процессах преобразований должно участвовать все трудоспособное население [3]. Результаты исследования ИС РАН свидетельствуют, что 82% наших сограждан верят в успех модернизации, в том числе каждый четвертый полагает, что это может произойти уже в ближайшие 5–10 лет, еще треть считают реальным сроком для этого 10–15-летнюю перспективу [4, с. 37].

Однако от одобрения того или иного начинания до личного в нем участия – большая дистанция. Конечно, многие реализаторы модернизации являются таковыми «автоматически» и не всегда по своей воле, действуя по распоряжению вышестоящих инстанций либо интуитивно выбирая модернизацоные маршруты, повинуясь логике рынка и конкуренции. Но если модернизация исчерпывается усилиями только этих невольных ее субъектов, она теряет свой смысл как национальная идея.

Возникает вопрос: имеет ли модернизация в России глубинный потенциал, основанный на внутренних установках и мотивах, которые могли бы выливаться в осознанные действия по улучшению среды (технологической, экономической, политической, социальной), направленные на общее благо, которые воспринимались бы как общее дело? И второй вопрос: насколько люди, которые по своим установкам и поведенческим моделям могут быть агентами модернизации, готовы направлять свои усилия на это общее дело, а не только активно и успешно лить воду на собственную мельницу?

Приблизиться к ответам на эти вопросы позволяет анализ данных общенационального социологического проекта Института социологии РАН, посвященного различным аспектам модернизации⁹. В том числе в фокусе внимания данного исследования оказались проблемы гражданской активности и гражданского участия россиян, которые, как представляется, дают возможность оценить гражданский потенциал модернизации и модернизаторов.

При анализе гражданского участия мы исходим из понимания его как идеи включения управляемых в управление – общественными делами, а также, насколько это возможно, государственными делами, идеи включения граждан в обсуждение и разработку политических, социально-экономических, культурных программ и проектов, влияния на принятие решений и контроля их исполнения, самоуправления на низовом уровне [5]. Отправной точкой для развития гражданского участия является соответствующая ценностная база – наличие в структуре жизненных ценностей тех установок, которые отвечают за формирование мотивации гражданского участия. Это прежде всего активная жизненная позиция, высокий уровень социальной ответственности и неравнодушное отношение к тому, что происходит в обществе (как в стране в целом, так и в ближайшем окружении), готовность к активному взаимодействию, коллективному решению общих дел.

Как показывают полученные данные, в ряду человеческих качеств, которые россияне сегодня больше всего ценят в людях, достаточно высоко котируются активность и инициативность, уважение к правам других людей – 38–39% опрошенных отводят им, соответственно, шестую и восьмую позиции в рейтинге востребованных качеств (из 20 возможных). «Запрос» на это качество в значительной степени реализован: о том, что сами

⁹ Исследование на базе массового опроса населения проведено в марте–апреле 2010 г., охватило 1750 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов Российской Федерации, представлявших основные социально-профессиональные группы населения. Более подробно об исследовании см.: [4, с. 343].

обладают этим качеством, заявил 31% респондентов. А вот что касается активности и инициативности, налицо заметный дефицит: востребованы они 39% опрошенных, а обладают ими, по самооценкам, только 26%. Сравнительно высокой можно считать и рейтинговую позицию качества «неравнодушие» — оно занимает одиннадцатое место в списке наиболее ценных качеств, причем зона его распространенности оказалась даже несколько более широкой, чем зона востребованности (30% ценят это качество в других, 32% обладают им сами).

Казалось бы, рассмотренные установки (на активность и инициативность, взаимоуважение, неравнодушие) могли послужить залогом активной гражданской позиции россиян. Однако тот же список востребованных ими качеств свидетельствует о слабой мотивации к деятельности, направленной на решение общих проблем, о невысоком уровне ответственности за то, что происходит в стране. Действительно, только 18% опрошенных считают важным, чтобы человек был готов к решению общих проблем, причем лично в себе это качество обнаруживают 13%. Еще ниже актуальность такого качества, как ответственность за происходящее в стране (13%), а его распространенность оказалась самой низкой среди всех рассматриваемых качеств (лишь 3%).

Таким образом, определенные установки, необходимые для формирования гражданской позиции, у россиян есть, однако их « дальность» невелика. Можно предположить, что развивающееся на этой базе участие распространяется на довольно узкий круг проблем, которые, что называется, «ближе к телу», тогда как участие, направленное на решение общегосударственных проблем, вызывает заметно меньший интерес граждан. Подтверждением этому могут служить данные опросов, приведенные в научном докладе ИС РАН «Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации» [6]. Согласно этим данным, наиболее распространенным ответом на вопрос «Ради чего Вы были бы готовы участвовать в общественной деятельности?» является ответ «ради решения конкретных жизненных проблем», которому отдают предпочтение 38% опрошенных. Далее следуют варианты «ради социальной справедливости (37%), «ради помочь людям» (35%). Такие же варианты, как «желание повлиять на ход событий в стране» и «ради блага общества» менее популярны (33% и 28% соответственно). Политически окрашенные мотивы (смена власти, революция, демократия) вызывают интерес лишь у 11–15% опрошенных.

Вывод о довольно узкой направленности участия укладывается в тенденции, которые отмечены в динамике оценок респондентами различных человеческих качеств за последние 7 лет. Наиболее рельефно на общем фоне выглядят оценки представителей группы так называемых «модернистов», выделенной в ходе исследования на базе специально разработанного индекса степени модернизированности сознания¹⁰.

За 7-летний период заметно подросла значимость таких качеств, как активность и инициативность (с 34% до 39%), больше стало и их обладателей (26% при 20% семь лет назад). Особенно актуальны они для респондентов из группы «модернисты» — здесь их

¹⁰ Индекс учитывает 12 индикаторов, отражающих такие особенности мировоззрения эпохи модерна, как ориентация на саморазвитие, свободу и достижения; особенности мотивации к труду; осознание плюрализма интересов индивидов и социальных групп и степень толерантности к этому плюрализму; представление о демократической организации общества как форме согласования плюрализма интересов; преобладание рационально обусловленных действий, прежде всего в сфере экономических решений; личная ответственность индивида за свою судьбу и внутренний локус-контроль, развитие индивидуализма и нонконформизма; приоритет интересов личности в дилемме личность — общество и формирование понятия прав человека. Более подробно о построении индекса см.: [4, с. 48–50].

важность подчеркивает практически каждый второй (47%), а 40% являются их обладателями. Позитивная тенденция отмечается также в отношении к готовности к участию в решении общих дел, однако темпы роста актуальности этого качества довольно скромные. Модернисты и здесь являются лидерами, в их составе почти четверть (23%) признает важность данного качества, а 17% полагают, что оно свойственно им самим. Ответственность же за то, что происходит в стране в целом, особенно по показателю распространенности, является качеством скорее угасающим, и прежде всего среди модернистов (см. рис. 1).

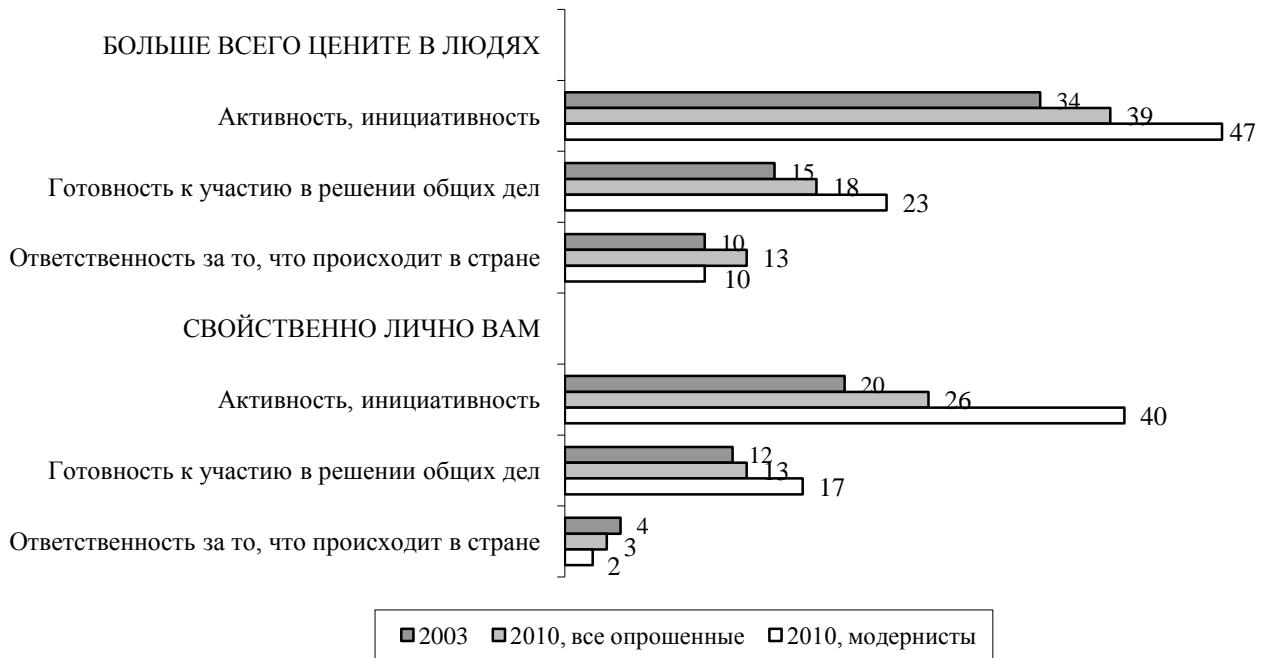

Рисунок 1 – Некоторые человеческие качества, которые респонденты ценят в людях, и которые в большей степени свойственны им самим, 2003/2010 гг. (%)

Между тем такая компонента гражданского участия, как нацеленность на решение не просто «общих дел», а проблем, касающихся всей страны, очень важна, особенно на этапе поиска обществом объединяющих его ценностей и установок. Это тот ценностный и деятельностный цемент, который необходим современному российскому обществу с его фрагментированностью и мозаичностью. Общее понимание и принятие (в том числе как руководства к личному действию) каких-либо задач позволило бы консолидировать общество, не прибегая к его искусенному «выравниванию» и «впрятанию в общее дело». Однако на сегодняшний день ответственность за судьбы страны — последнее в списке качеств, отличающих россиян. В чем же дело, почему активные и инициативные, неравнодушные и в целом ответственные люди уходят в тень, когда речь заходит о «делах государственных»? Полученные данные свидетельствуют, что главной причиной этого, по всей видимости, является неверие россиян в то, что рычаг гражданских действий способен донести импульс, посыпаемый «простыми людьми», до конечной цели и повлиять на положение дел в стране.

Проанализируем данные, характеризующие мнения россиян относительно динамики общественного развития, актуальности активной жизненной позиции и эффективности коллективных взаимодействий, а также целесообразности и эффективности действий по линии «гражданин–государство». Большинство россиян (58%) позиционируют себя как люди социально мобильные, способные к гармонии с постоянно обновляющимся и меняющимся

миром. Заметно меньше среди них тех, кого перемены пугают и ассоциируются с ухудшением жизни (41%). Что касается необходимости и возможности активной борьбы за свои интересы, то здесь уверенность наших сограждан в своих силах чуть ниже. И хотя выступающие за активную самозащиту находятся в большинстве (54%), сторонников приспособления к суровой реальности и умения плыть по течению также очень много (46%).

При этом вопрос о том, как именно следует отстаивать свои интересы — сообща, коллективно, опираясь на поддержку единомышленников или, наоборот, самостоятельно, рассчитывая лишь на свои силы, — делит российское общество практически пополам (51% за коллективные и 49% за самостоятельные действия) (см. рис. 2). Подчеркнем, что такое соотношение установок имеет место в обществе, где большинство взрослого населения прошло целую «школу колlettивизма», имея в личном багаже партийный, комсомольский, профсоюзный и т.п. опыт из общего советского прошлого, а многие имеют опыт коллективных действий, полученный уже в новых условиях. Но, несмотря на весь этот опыт, а во многом и благодаря ему, большинство наших сограждан в качестве непреложной истины воспринимают то, что «в делах страны ничего не зависит от простых граждан» — так рассуждает подавляющее большинство опрошенных (80%). И, как результат, — установка на то, что перемены в российском обществе надо проводить «сверху», под контролем власти (65% опрошенных). Ставку же на инициативу граждан и здоровые силы самого общества делают лишь 35%.

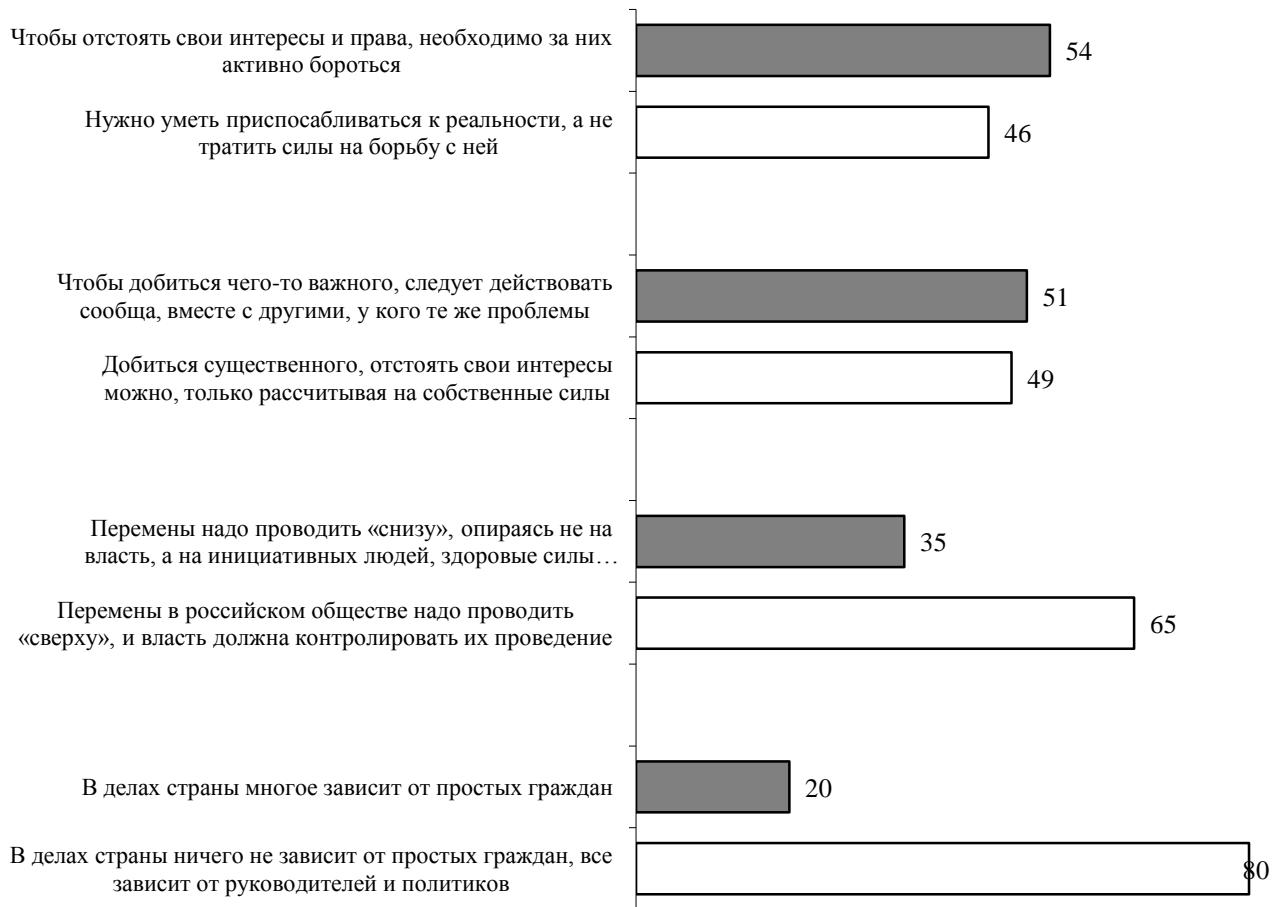

Рисунок 2 – Выбор в некоторых альтернативных парах суждений (%)

На этот феномен как на один из важнейших факторов развития гражданской активности и гражданского общества в целом обращают внимание многие исследователи. В частности, И. Климов связывает отсутствие гражданской активности с тем, что власть пока не

научилась работать с социальными активистами и разными формами общественной активности, не умеет и зачастую не хочет планировать общественный диалог при реализации общезначимых проектов. С другой стороны, подчеркивает автор, граждане всякий раз сами убеждаются, что у них нет возможности повлиять на решения власти, обустройство своей жизни на своей территории, что общественная самореализация никем не востребована. К тому же отсутствует инфраструктура поддержки общественных инициатив: 58% россиян полагают, что органы местного самоуправления не являются независимыми в принятии решений относительно подведомственной им территории; 68% уверены, что рядовые граждане не имеют возможности влиять на их работу и решения [7].

В. Петухов, анализируя данные международных и российских исследований, утверждает: во многих странах существует заметный разрыв между уверенностью основной части населения в том, что участие граждан в общественно-политической жизни желательно, и уровнем осознаваемого возможного влияния граждан на политический процесс, но в России этот разрыв один из самых заметных (57% и 11%) [8].

З. Бауман, комментируя связь гражданской и политической активности населения с оценкой эффективности институтов коллективного действия, рисует такую картину: «Когда... не хватает средств, чтобы дойти до конца пути, становятся неизбежными обида и разочарование, но человек ничего не может сделать, чтобы предотвратить подобную ситуацию или избежать ее... Стремительно падает интерес к Политике с большой буквы... размываются политические убеждения, снижается масштаб повседневного участия граждан в мероприятиях, традиционно считающихся политическими. В соответствии с духом времени предполагается, что «граждан» могут волновать лишь ближайшее снижение налогов или увеличение пенсий, а их интересы распространяются только на то, чтобы сокращались очереди в больницах, уменьшалось количество нищих на улицах, в тюрьмах сидело бы все больше преступников, а вредные свойства продуктов выявлялись как можно скорее... Кризис гражданственности и недооценка потенциала политических акций происходят в конечном итоге из ощущения... что отсутствуют не только механизмы обеспечения... коллективных эффективных действий... но и пути возрождения таких механизмов или создания новых... В результате возникает диссонанс сознания, но он смягчается мыслями, что не стоит оплакивать кончину коллективных действий, поскольку такие действия всегда были и будут в лучшем случае бесполезными, а в худшем — вредными, с точки зрения благополучия и счастья отдельной личности» [9].

Возвращаясь к данным исследования ИС РАН, подчеркнем, что гражданский пессимизм свойственен в том числе и тем группам населения, которые должны стать социальным локомотивом перемен в российском обществе — модернистам. Будучи настроенными на перемены (86%) и на активную борьбу за воплощение в жизнь своих целей, борьбу за них (68%), в отношении возможности проведения реформ «снизу» и особенно влияния простых граждан на дела страны они теряют свой оптимизм — оптимистов среди них меньшинство (см. рис. 3).

Надо сказать, что вопрос о том, как должны в России проводиться те или иные реформы, в том числе модернизация — для общества в целом решен. Подобные задачи, и модернизация не является исключением, возлагаются гражданами на «верх». По данным исследования социального потенциала российской модернизации, проведенного ВЦИОМ совместно с Общественной палатой РФ в марте-апреле 2010 г. на примере ЮФО, и население, и эксперты (представители федеральных и региональных властей, местного самоуправления и бизнеса) видят главной движущей силой модернизации федеральные

органы государственной власти (44% и 72% соответственно). Респонденты из числа населения в большинстве склонны полагать, что процесс модернизации должен осуществляться «сверху» (48%), а не «снизу» (28%) [10].

Рисунок 3 – Некоторые особенности взглядов различных мировоззренческих групп (%)

Рассматривая в контексте отношений общества и государства вопрос о возможности широкого включения населения в модернизацию, Н.В. Куликова приводит такие данные Левада-центра: 62% россиян стараются жить, полагаясь только на себя и избегая любых контактов с государством; 31% полагают, что государство дает им так мало, что они свободны от обязательств перед ним; 85% убеждены, что возможности влиять на решения государства у них нет; 77% не готовы к участию в политике, объясняя свою позицию тем, что «все равно ничего изменить нельзя» или «политика – не для рядовых граждан». Опираясь на эти данные, Н.В. Куликова на вопрос «Можно ли ожидать массового вовлечения граждан в модернизационный процесс при такой ситуации?» дает однозначный ответ: «Конечно, нет» [11].

Серьезной проблемой развития гражданского участия в России является то, что пессимизм относительно эффективности гражданских инициатив касается не только вопросов, затрагивающих судьбы всей страны. Этот пессимизм распространен на самый широкий диапазон возможного участия, вплоть до низового уровня. В частности, яркой иллюстрацией могут служить оценки респондентами возможности влиять на принятие важных решений о деятельности организации, в которой они работают. По данным ESS¹¹, Россия занимает по этому показателю 23-е место среди 25 европейских стран.

В результате актуальность личного участия гражданина в тех или иных формах общественной деятельности, например, в политике или в трудовой сфере, сегодня невысока.

¹¹ Европейское социальное исследование (European Social Survey – ESS) было проведено в 2006 г. в 25 странах. Всего опрошено 47 099 человек, в том числе в России 2437 (см.: www.europeansocialsurvey.org).

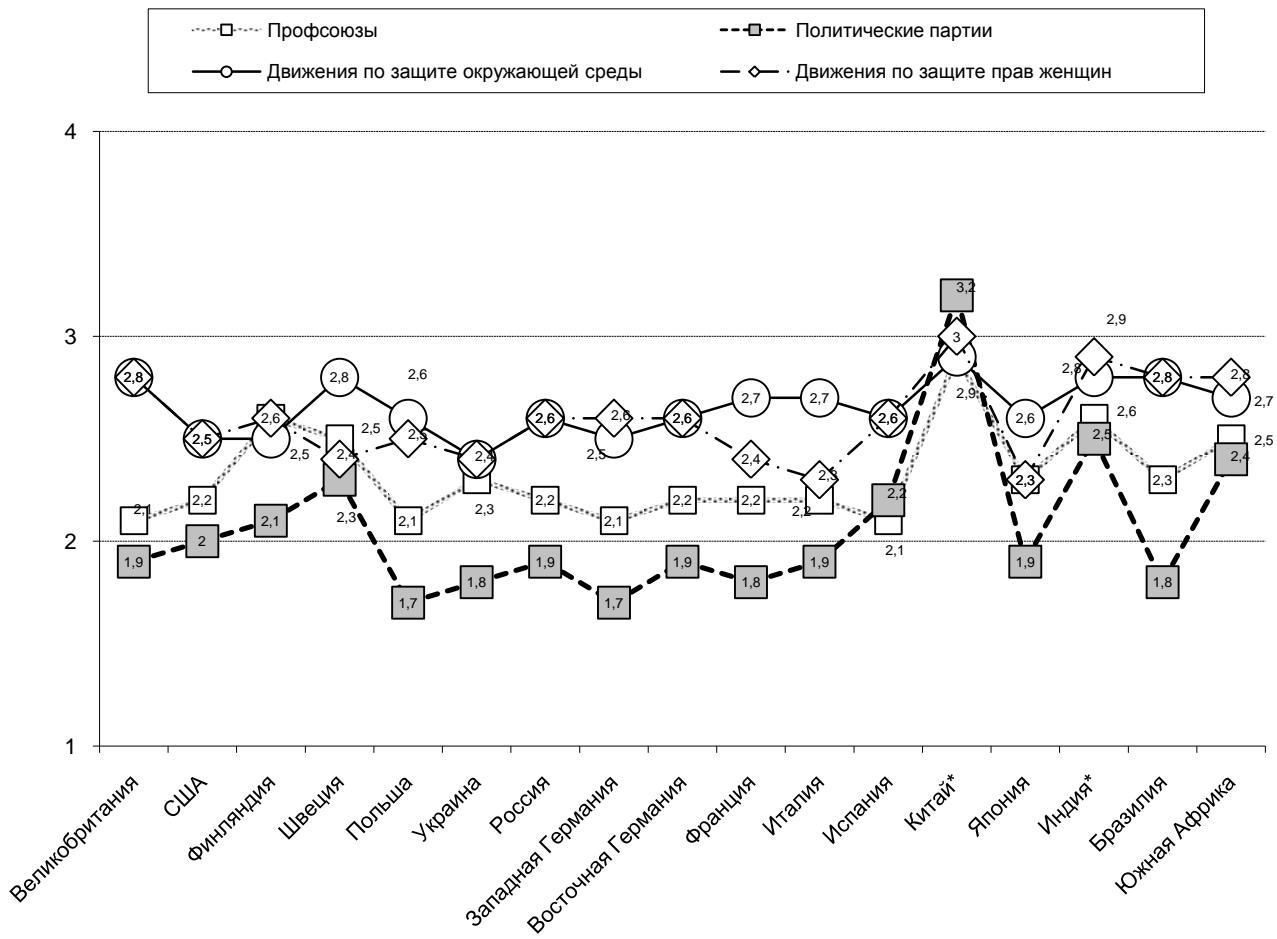
Показательно в этой связи, что в структуре наиболее важных маркеров демократии различные формы участия называются лишь пятой частью опрошенных или меньше. Например, об участии граждан в референдумах по важным для страны вопросам как о необходимом признаке демократии заявил 21% респондентов, о праве выбора между несколькими партиями — 17%, об участии рабочих в управлении предприятиями — 12%, и т.д. Вопросы низового участия в рамках «рабочей демократии» меньше всего волнуют модернистов (так, об участии рабочих в управлении предприятиями как о признаке демократии заявили 14% традиционалистов и 11% модернистов). По всей видимости, это связано с тем, что модернисты чувствуют себя в трудовой сфере достаточно уверенно и самодостаточно, а потому игнорируют возможности коллективного решения возникающих проблем.

Когда речь идет о людях успешных, в определенном смысле эксклюзивных, их личная «договорная сила» как профессионалов в отношениях с работодателем может быть гораздо выше, нежели «договорная сила» коллектива. И в этом смысле вопрос о гражданском участии модернистов стоит особым образом. С одной стороны, их включенность в гражданские инициативы могла бы существенно их усилить. С другой стороны — такое участие лично для них может быть менее выгодным, нежели самостоятельные действия. В этом случае выбор между личными интересами и интересами коллектива делается в пределах гражданской ответственности человека. Важным фактором включения модернистских слоев общества в гражданское участие может служить функция участия как «социального лифта» — когда субъект участия, помимо достижения основной цели (например, защиты интересов социальной группы), получает определенные личные дивиденды (делает карьеру, получает определенный социальный статус) или же реализует гражданское участие на профессиональной основе. На сегодняшний день, однако, сфера гражданского участия не может похвастаться широкими «лифтовыми» возможностями, а потому остается малопривлекательной для модернистов.

Нередко проблемы развития гражданского участия связывают с низким уровнем доверия институтам гражданского общества со стороны населения. Действительно, сегодня уровень доверия населения профсоюзам, политическим партиям, общественным организациям очень низок, а профсоюзы и политические партии и вовсе находятся в зоне выраженного неодобрения — доля опрошенных, не доверяющих им, значительно превышает долю доверяющих. В этом смысле институты гражданского общества заметно уступают органам государственной власти, прежде всего президенту и правительству страны, региональной власти, а также армии и ФСБ. Однако можно ли утверждать, что именно «провал» в уровне доверия общественным институтам приводит к тому, что население не проявляет интереса к их деятельности, ресурсам и возможностям для отстаивания собственных интересов?

Для ответа на этот вопрос проанализируем данные о доверии государственным и общественным институтам в России и одной из стран — лидеров гражданского участия, например, Финляндии. Как показывают сравнительные данные, оценки россиян действительно отличаются большей критичностью, особенно в отношении к парламенту, политическим партиям и профсоюзам. Однако что касается общественных организаций — в данном случае женских и экологических, — отношение к ним россиян даже более позитивное, чем в Финляндии. Тем не менее, это доверие не конвертируется в стремление принять участие в деятельности таких организаций.

Показатели доверия россиян институтам гражданского общества, поставленные в общий ряд с оценками жителей других развитых стран, имеют со многими из них сходный профиль, например, с оценками населения в США, восточных землях Германии, Италии, Бразилии (см. рис. 4). И хотя отставание по уровню доверия от таких лидеров гражданской активности, как Финляндия и Швеция, очевидно, тем не менее оно не носит радикального характера. Другими словами, российская ситуация в этом отношении отнюдь не уникальна.

Примечания

1 Средний балл в интервале от 1 до 4, где 1 — «совсем нет доверия», 4 — «доверяют в большой степени».

2 Данные исследования WVS 2005–2007 гг.

Рисунок 4 – Уровень доверия граждан различных стран политическим партиям, профсоюзам, общественным движениям (%)

Каковы же сегодня показатели гражданского участия россиян, какая часть населения вовлечена в этот процесс и в каких формах? Как показал опрос, за последние три года в каких-либо формах общественной жизни принимали участие около 30% россиян, тогда как подавляющее большинство (70%) в подобной деятельности участия не принимало. По сравнению с 2003 г. показатели участия существенно снизились: доля опрошенных, не участвовавших ни в одной из тестируемых форм общественной жизни, выросла с 56% до

70%. Снижение уровня участия коснулось практически всех его форм, за исключением, пожалуй, участия в работе домкомов, кооперативов и местного самоуправления.

Относительно более высокой популярностью среди населения пользуется коллективное обустройство подъездов, домов, детских площадок, окружающих территорий: по данным 2010 г., участие в таком обустройстве принимали 16% опрошенных (в 2003 г. показатель составлял 25%). Второй по частоте упоминания формой участия является сбор средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение (8%). В избирательных кампаниях «отметились» 6% опрошенных, около 5% заявили о своем участии в митингах или пикетах, в подписании петиций, обращений. Остальные формы участия набрали не более 4% голосов респондентов (см. рис. 5).

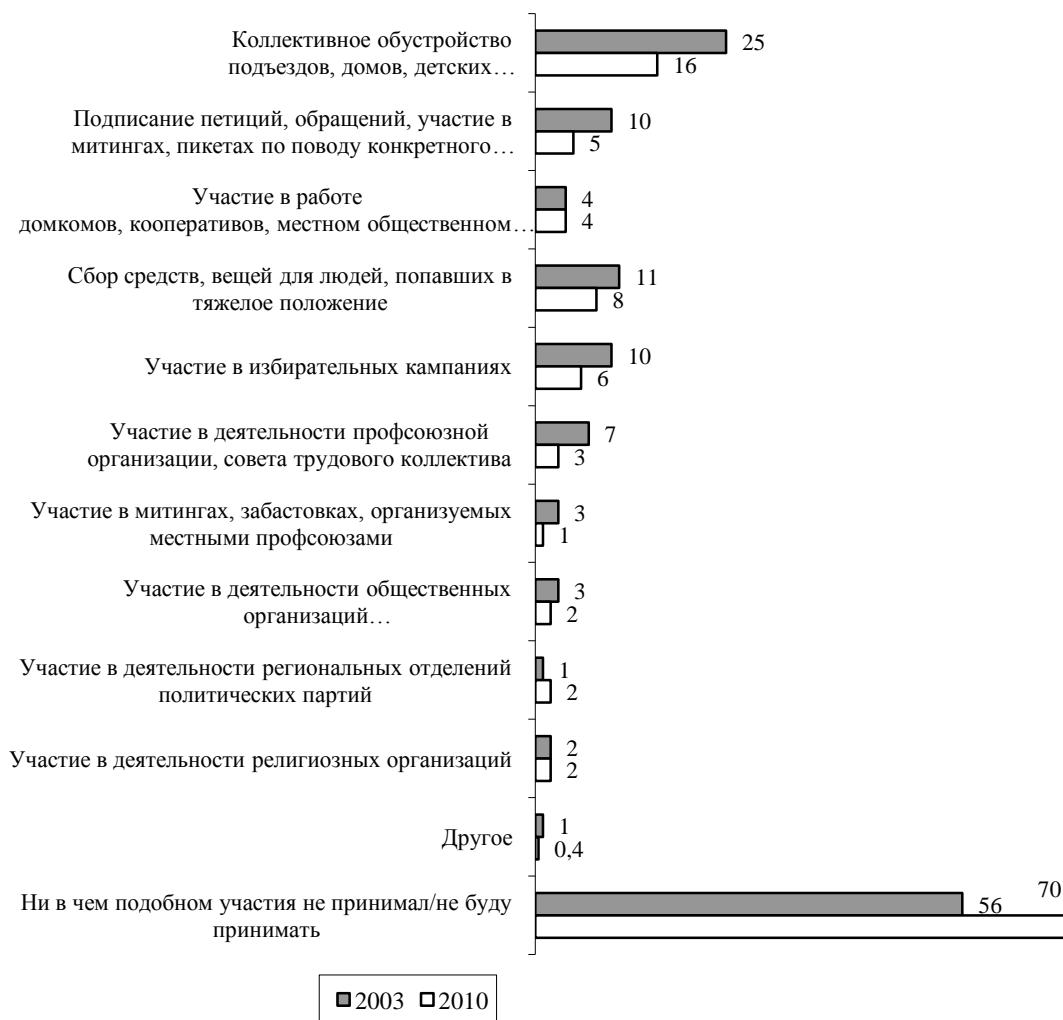

Рисунок 5 – Участие в общественной жизни по месту жительства или работы за последние 3 года (допускалось несколько ответов), (%)

Учитывая, что одни и те же люди могли проявлять активность в разных формах, рассмотрим состав участников с учетом этого обстоятельства. Так, 17% опрошенных (а это большинство всех участников) отметили лишь одну форму общественной жизни, в которой проявили активность за последние три года. Еще 9% практиковали две формы, а об относительном разнообразии форм гражданской активности (3 и более) заявили 4% опрошенных (см. рис. 6).

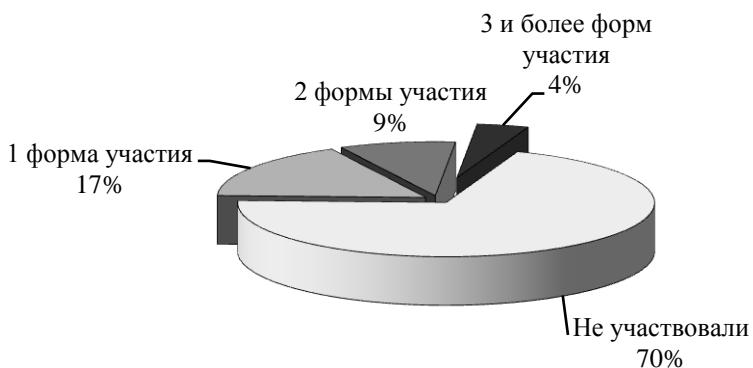
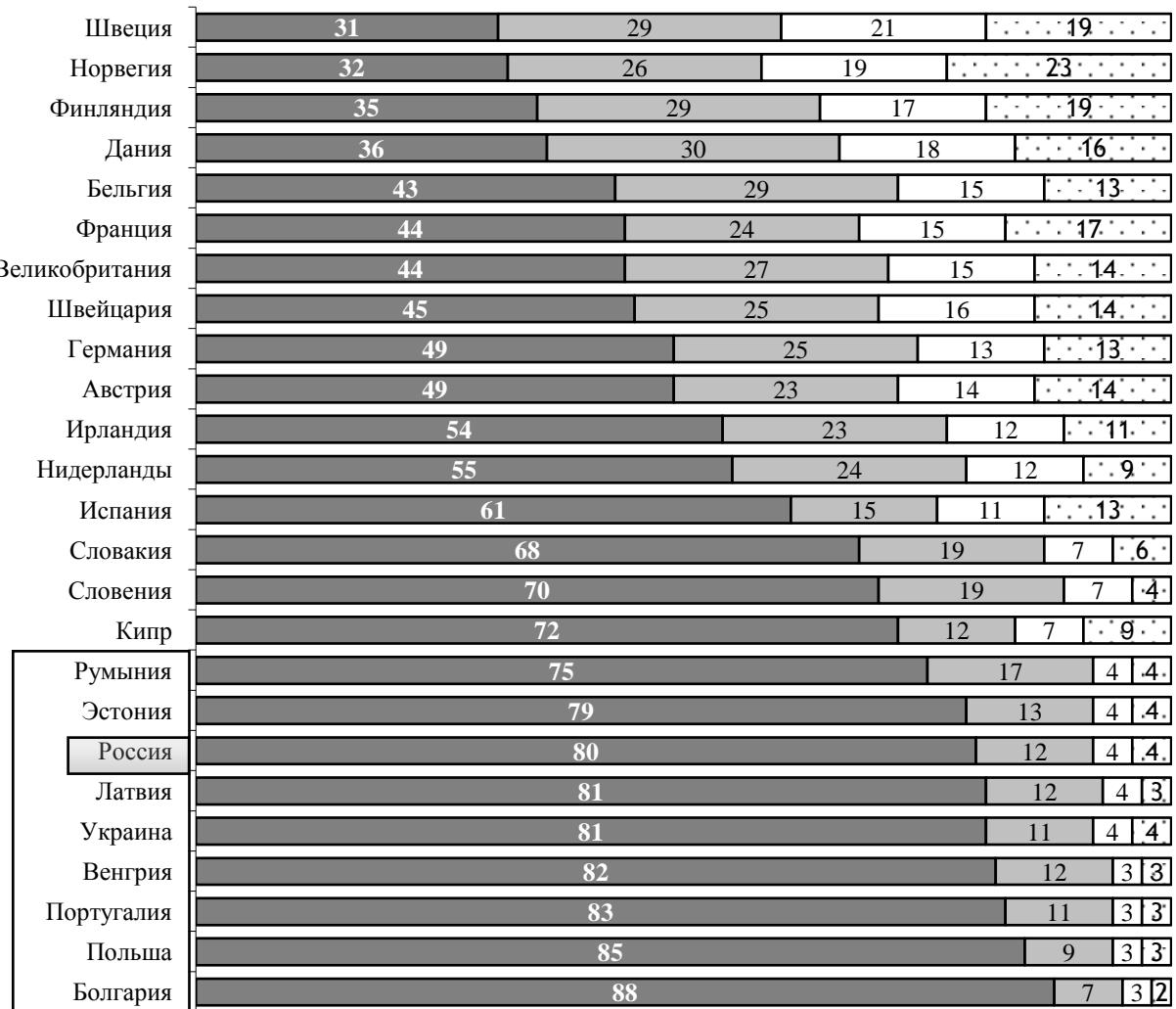

Рисунок 6 – Распределение россиян по числу форм участия в общественной жизни по месту жительства или работы за последние 3 года (%)

Почти треть относительно активного в гражданском отношении населения — много это или мало? Обратимся к данным, характеризующим уровень гражданского участия среди населения разных стран. Мы располагаем данными упоминавшегося исследования ESS, в ходе которого анализировалась включенность населения в формы гражданского участия, связанные с деятельностью политических партий и общественных организаций и протестным поведением¹². По результатам исследования ESS, Россия в списке из 26 стран занимает 19-е место по доле населения, принимавшего участие хотя бы в одном виде активности за годичный период (20%). Среди стран-лидеров этот показатель примерно втрое выше — в Швеции и Норвегии доля граждански активного населения составляет 68–69%, в Финляндии и Дании — 64–65%, в Бельгии, Франции, Великобритании и Швейцарии — 55–57%, в Германии и Австрии — 51%.

В то же время Россия в своей отчужденности от гражданского участия не одинока — примерно на одном с ней уровне находятся Латвия, Украина, Венгрия, Португалия, Польша и Болгария, где подавляющее большинство населения в общественной жизни не участвует. Лишь немногим выше, чем в России, показатели включенности населения в Эстонии и Румынии. Обратим внимание на состав стран-аутсайдеров — это главным образом страны бывшего соцлагеря и страны, ранее входившие в состав СССР (см. рис. 7).

¹² Тестируемые формы участия: 1) обращения к конкретному политику или в органы власти; 2) участие в работе политической партии, группы, движения; 3) участие в работе какой-либо другой общественной организации; 4) ношение или вывешивание символики какой-либо политической, социальной или какой-либо иной акции; 5) подписывание петиций, обращений, открытых писем; 6) участие в разрешенных демонстрациях; 7) отказ от покупки или потребления каких-либо товаров для выражения протesta.

■ Не участвовали □ 1 форма участия □ 2 формы участия □ 3 и более форм участия

Примечание - Рассчитано по данным ESS, 2006 г.

Рисунок 7 – Распределение россиян по числу использованных форм гражданского участия за последние 12 месяцев (%)

Что касается регулярности помощи и участия граждан в общественной жизни там, где они живут, по этому показателю Россия и вовсе занимает предпоследнее место в том же списке. Лишь 6% ее населения участвуют в жизни местного сообщества регулярно (хотя бы раз в неделю, месяц), еще 19% делают это редко, эпизодически (раз в 3 месяца, в полгода или еще реже). Остальные же 75% россиян местную общественную жизнь игнорируют.

При том, что состав стран-соседей по низким местам в рейтинге включенности в общественную жизнь по месту жительства остался примерно таким же, что и в рейтинге по включенности в общественно-политические мероприятия, обращают на себя внимание две страны – Румыния и Латвия. При высоком уровне отчужденности от общественно-политических действий уровень участия граждан в жизни местных сообществ в них высок, а Румыния и вовсе заняла по этому показателю первое место. Подчеркнем это обстоятельство – оно свидетельствует о том, что «советское прошлое» отнюдь не является «прививкой» от гражданской активности населения. Во всяком случае, в отношении жизни местных

сообществ «советский синдром» вполне преодолим, о чем и свидетельствует опыт Румынии и Латвии.

Кто же на сегодняшний день в России составляет социальную базу гражданского участия, какова в их составе роль модернистски ориентированных групп?

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что модернисты действительно являются более граждански активными людьми по сравнению с промежуточными и традиционалистскими группами. В их составе доля респондентов, хотя бы однажды за последние три года принимавших участие в общественной жизни по месту жительства или работы, составляет 34% (при 30% среди промежуточных и 24% среди традиционалистов). При этом 7% модернистов отличаются разнообразием гражданской активности и практикуют три и более форм участия. Еще 9% принимали участие в двух формах общественной жизни (см. рис. 8).

Рисунок 8 - Участие в общественной жизни по месту жительства или работы за последние 3 года у россиян из разных мировоззренческих групп (%)

Понятно, что группа модернистов (как, впрочем, и традиционистов) неоднородна по своему социально-демографическому составу. В этой связи важно понять, как проявляется гражданская позиция в разных слоях модернистского и традиционалистского ареалов российского общества.

Возрастные различия формируют одинаковые тенденции распределения гражданского потенциала в обоих ареалах. Как среди модернистов, так и среди традиционистов проявления гражданской активности усиливаются с возрастом. Если среди молодежи общая доля опрошенных, включенных в общественную жизнь, минимальна (12% среди традиционистов и 24% среди модернистов), то среди людей старшего возраста этот показатель, наоборот, самый высокий (28% среди традиционистов и 42% среди модернистов). Обратим внимание на высокие показатели гражданской активности самой старшей возрастной подгруппы модернистов — здесь относительное большинство составляют те, кто участвовал в общественной жизни в двух формах (20%), а не в одной, как в остальных подгруппах. Довольно много и тех, кто практикует три и больше форм участия (9%) (см. рис. 9).

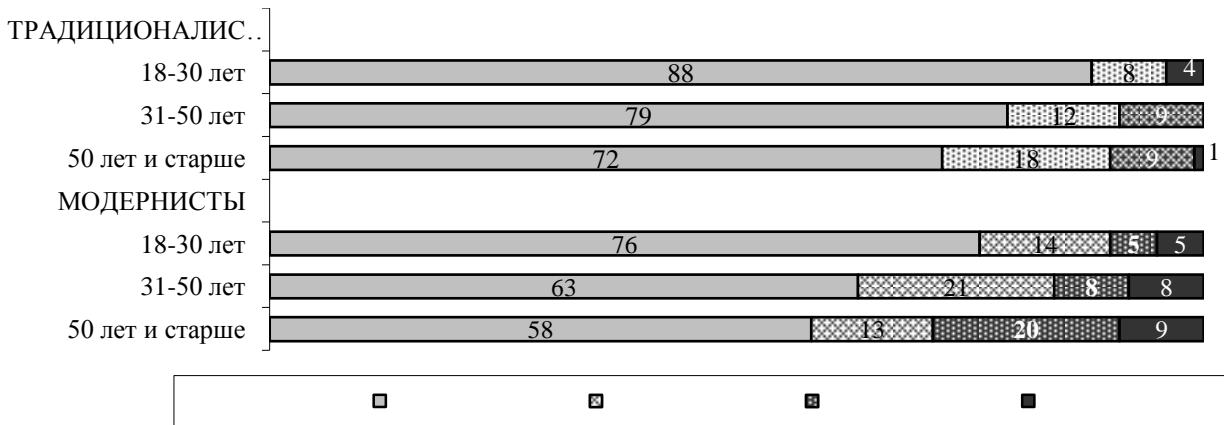

Рисунок 9 – Частота участия в общественной жизни по месту жительства или работы представителей разных мировоззренческих групп в зависимости от возраста (%)

Материальный статус, в отличие от возрастной дифференциации, в группах модернистов и традиционистов играет разные роли. Если среди традиционистов высокий уровень доходов связан с высоким же уровнем включенности в общественную жизнь, то в группе модернистов ситуация иная: чем выше доход, тем ниже уровень гражданской активности модернистов. Так, среди обладателей низких доходов доля модернистов, принимающих участие в общественной жизни, самая высокая – 39%. Далее с повышением доходной планки снижается интерес к общественной жизни: при уровне дохода немногим выше среднего (1–2 медианы) доля модернистов-участников снижается до 36%, а среди наиболее обеспеченных модернистов доля участвующих в общественной жизни минимальна (28%) (см. рис. 10).

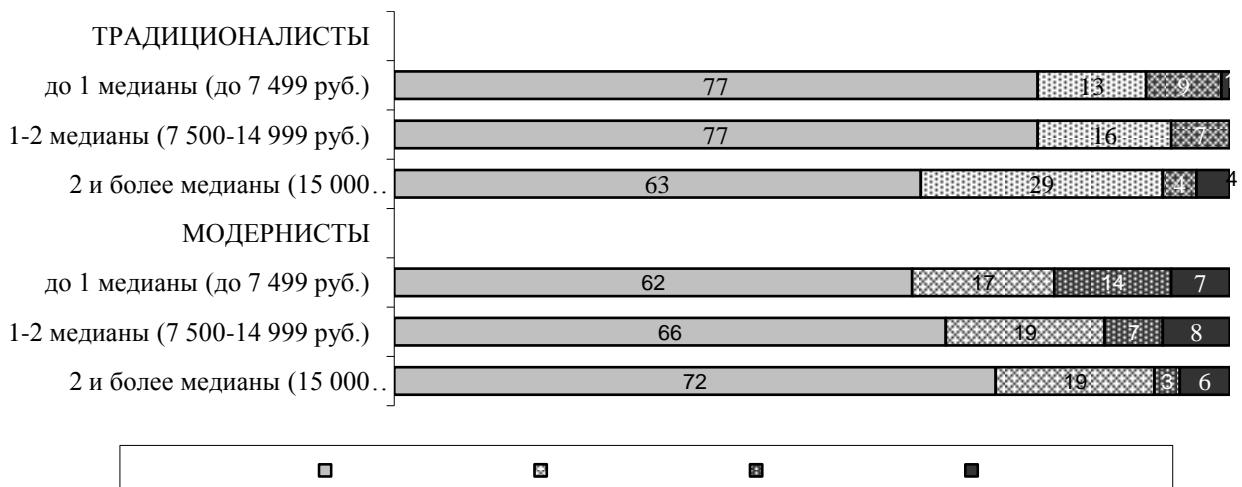

Рисунок 10 - Частота участия в общественной жизни по месту жительства или работы представителей различных мировоззренческих групп в зависимости от уровня доходов (%)

Это подтверждает вывод о том, что *наиболее успешные и располагающие достаточными ресурсами для самостоятельного решения своих проблем модернисты не имеют достаточной мотивации для включения в процессы коллективного, организованного участия*. Более целесообразно для них сосредоточение усилий на собственной деятельности, прежде всего профессиональной, тогда как в отношении общих проблем их «хата» чаще оказывается «с краю».

Что касается модернистов, живущих в различных типах поселений, то среди них наибольшим уровнем гражданской активности отличаются жители областных и районных центров, а также жители сел (35–36% включенных в общественную жизнь). Причем модернисты из числа сельских жителей отличаются высокой долей людей, практикующих разные формы общественной жизни (13% отметили три и более формы своего участия). Интересно, что традиционалисты, живущие в селах, подобного всплеска активности не демонстрируют.

В мегаполисах уровень активности модернистов не столь высок: общая доля участвующих в общественной жизни среди них составляет здесь 28%, в том числе лишь 2% участвуют в трех и более ее формах.

В поселках городского типа доля граждански активного населения, как в группе модернистов, так и среди традиционалистов, невелика. Однако если участие традиционалистов, живущих в ПГТ, ограничивается какой-либо одной формой, то участие поселковых модернистов отличается заметно большим разнообразием: 11% практикуют две, а 6% – три и более форм участия в общественной жизни (см. рис. 11).

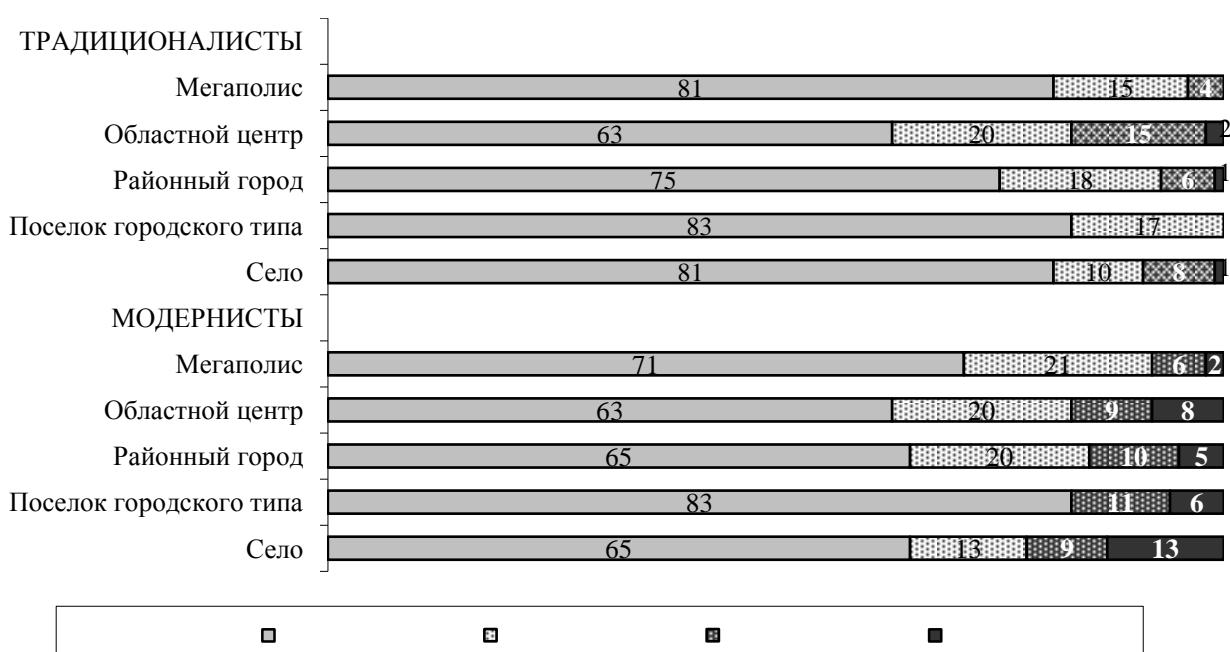

Рисунок 11 – Частота участия в общественной жизни по месту жительства или работы представителей различных мировоззренческих групп в зависимости от типов поселений (%)

Подводя итоги анализа, взвешивая жизненные установки россиян и примеряя их к вопросу о развитии гражданского участия в России, сложившуюся ситуацию можно интерпретировать скорее в ключе «стакан наполовину пуст», нежели «наполовину полон»: общественные настроения скорее располагают к уклонению от гражданского участия, нежели в его пользу.

Невысокий уровень гражданского участия в России связан с рядом факторов. С одной стороны, это низкий уровень доверия людей институтам гражданского общества, особенно политическим партиям и профсоюзам. Однако в этом смысле ситуация в России не является уникальной, она характерна и для многих других стран, в том числе отличающихся высоким уровнем гражданской активности.

С другой стороны, и это представляется более важным обстоятельством, отчуждению людей от гражданской деятельности способствует уверенность в том, что гражданские инициативы не способны повлиять на существующее положение вещей, имеют малую « дальность» действия, не « добивают» до общегосударственных проблем и в лучшем случае могут влиять на ситуацию на низовом уровне. В обществе сформированы выраженный патерналистский стереотип и установки, согласно которым все изменения должны проводиться « сверху», тогда как само общество в этом отношении бессильно.

Важную роль в формировании синдрома гражданского патернализма и отчуждения от участия сыграл советский период в истории России и других стран бывшего советского лагеря и стран, ранее входивших в состав СССР, – большинство из них отличаются низким уровнем включенности населения в общественно-политические процессы. В то же время опыт некоторых стран, например, Румынии и Латвии, свидетельствует, что этот опыт не мешает в развитии гражданского участия на местном уровне, в жизни местного сообщества.

Граждане, которых можно классифицировать как модернистов, в большей степени, нежели остальные, предрасположены к активной гражданской позиции, однако именно эта группа отличается, по самооценкам, самым низким уровнем ответственности за происходящее в стране. С большой степенью уверенности можно утверждать, что модернизация остается за рамками интереса данной социальной группы (и тем более, других, менее активных групп) – если только участие в ней не предписывается прямыми должностными обязанностями или не диктуется соображениями экономической выгоды и конкурентной борьбы. В настоящее время в фокусе их внимания – собственные интересы и опора на собственные силы при решении возникающих проблем. Можно предположить, что трудности мотивации и включения модернистски настроенных россиян в преобразования могут преодолеваться путем развития сферы гражданской активности как особой профессиональной ниши. Похоже, сегодня только « лифтовые» возможности участия в общественной жизни и в модернизационных преобразованиях (карьера, социальный статус, попадание в определенный социальный круг и т.д.) могут сделать их привлекательными для представителей наиболее активной и успешной части общества.

Модернизация не стала пока в понимании населения, в том числе его передовых отрядов, общим делом, требующим участия каждого, и вряд ли годится для роли национальной консолидирующей идеи. В то же время, если рассматривать модернизацию не как « специальную акцию», а как естественный процесс преобразования и обновления, необходимость которого продиктована всем ходом развития российского общества, в этом смысле перспективы у модернизации есть. Модернистски ориентированные группы, безусловно, примут в ней участие, но подойдя к вопросу предельно рационально – делая то и тогда, что и когда им будет выгодно.

Литература

- 1 Buck G.L. Jacobson A.L. Social evolution and structural analysis: an empirical test // American sociological review. – N.Y. 1968. Vol. 33, N 3. P. 849. Цит. по: Матвеева С. Я. Модернизация общества и конфликт ценностей // Институт свободы. Московский либертариум: [веб-сайт]. 1999. URL: http://www.libertarium.ru/l_lib_matv1.
- 2 Спрос на модернизацию в России // База данных ФОМ: [веб-сайт]. 2010. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d49snmvr10.pdf>.

- 3 Россияне о модернизации: пресс-релиз, 21 июля 2010 // Исследовательская группа ЦИРКОН: [веб-сайт]. 2010. URL:
<http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/6/100726.pdf>.
- 4 Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир, 2010. — 344 с.
- 5 Апресян Р. Г. Гражданское участие: ответственность, сообщество, власть: Неконцептуал. сб. / Отв. ред. Р. Г. Апресян. — М.: Аслан, 1997.
- 6 Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации: Науч. докл. (II) / Рос. акад. наук, Ин-т социологии, Центр политологии и полит. социологии [и др., при поддержке Российского государственного научного фонда] // Институт социологии РАН: [веб-сайт]. 2007. URL:
http://www.isras.ru/files/File/Doclad/Networks_2007.pdf.
- 7 Клиmov. И. Муниципальный парадокс: почему партии боятся граждан. активности людей? // LIBERTY.RU/СВОБОДНЫЙ МИР: портал социальной сети: [веб-сайт]. 2010. URL: <http://www.liberty.ru/layout/set/print/columns/Zametki-o-social-nom/Municipalnyj-paradoks.-Pochemu-partii-boyatsya-grazhdanskoy-aktivnosti-lyudej>.
- 8 Российская идентичность в социологическом измерении: Аналит. докл.; подготовлен в сотрудничестве с представительством Фонда им. Фридриха Эберта в Рос. Федерации // Институт социологии РАН: [веб-сайт]. 2007. URL:
http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html.
- 9 Бауман З. Индивидуализированное общество / Центр исследований постиндустриального общества, Журн. «Свободная мысль»; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Логос, 2002. — 390 с.
- 10 Социальный потенциал модернизации в Южном федеральном округе: пресс-выпуск № 1473 от 14.04.2010 // Всероссийский центр изучения общественного мнения: [веб-сайт]. 2010. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13405>.
- 11 Куликова Н. В. Общественное сознание как базовый ресурс модернизации // Коллегия аналитиков. Журнал «Тиара»: [веб-сайт]. 2010. 6 июня. URL:
<http://www.collegian.ru/index.php/tiara/tiara2010/167.html?task=view>.